

Круглова Елена Николаевна

**Художественная позиция А. Ф. Писемского
в литературном процессе 1840 – 60-х годов**

Специальность 10. 01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иваново – 2008

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Лебедев Юрий Владимирович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ёлшина Татьяна Алексеевна
Костромской государственный технологический
университет

кандидат филологических наук, доцент
Ермолаева Нина Леонидовна
Ивановский государственный университет

Ведущая организация: Шуйский государственный педагогический
университет

Защита состоится 18 декабря 2008 г. в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.062.04 при Ивановском государственном
университете по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39, ауд. 459.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ивановского государственного
университета.

Автореферат разослан 17 ноября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514503

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е. М. Тюленева

А.Ф. Писемский принадлежал к тому поколению русских писателей, которые вступили в литературу в 40-е годы XIX века. Судьба Писемского является драматической. Литературная слава улыбнулась ему, но оказалась мимолетной. Популярность сменилась долгими годами насмешек, непонимания, а потом и равнодушия к его писательской судьбе. Первое активное обращение к творчеству Писемского начинается с высокой оценки его критиками-современниками разных направлений – П.В. Анненковым, А.В. Дружининым, Н.Г. Чернышевским, А.А. Григорьевым, Д.И. Писаревым, Н.В. Шелгуновым. Чернышевский утверждал близость писателя к Гоголю и «натуральной школе». Эстетическая критика (А.В. Дружинин), напротив, отрицала близость Писемского к Гоголю, отмечая самобытную манеру его повествования – «могучую беспристрастную наблюдательность».

Фельетоны Никиты Безрылова и антинигилистический роман «Взбаламученное море» (1863) во многом повредили объективной оценке творчества Писемского демократической критикой 1860 – 70-х годов. Н.В. Шелгунов в статье «Люди сороковых и шестидесятых годов» (1869) назвал реализм Писемского беспощадным, антигуманным, бессердечным и безжизненным. Эта статья на долгие годы дискредитировала литературную репутацию писателя.

Лишь с появлением статьи П.В. Анненкова «Художник и простой человек» в «Вестнике Европы» (1882, № 4) наметился возврат к спокойному и взвешенному анализу личности и творчества Писемского.

В историко-литературных работах конца XIX – начала XX веков С.А. Венгерова, О.Ф. Миллера, А.М. Скабичевского, А.И. Кирпичникова, И.И. Иванова имя Писемского ставилось в один ряд с русскими классиками. Однако Венгеров, вслед за Шелгуновым, видел характерную особенность реализма Писемского в бездушии и цинизме. Обвинение в цинизме в какой-то степени снял с Писемского профессор Иванов. Позитивную роль в осмыслении литературного наследия Писемского сыграли в этот период вступительные статьи

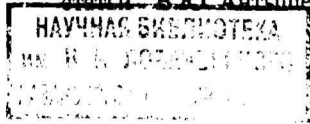
к посмертным «Полным собраниям сочинений» писателя (1883 – 1886, 1895, 1910), принадлежащие перу П.В. Анненкова и В.В. Зелинского.

Новый этап изучения творчества Писемского начался в 30-е годы XX века. Появились работы М.К. Клемана, А.П. Могилянского, А.А. Рошаль и др. Послереволюционные «Собрания сочинений Писемского» (В 3 т., В 5 т., В 9 т.) зафиксировали рост читательского интереса к творчеству писателя. Важным шагом в постижении своеобразия творчества Писемского явилась вступительная статья М.П. Еремина «Выдающийся реалист» к 9-томному «Собранию сочинений» писателя. После выхода в свет этого «Собрания сочинений» П.Г. Пустовойт опубликовал монографическое исследование «А.Ф. Писемский в истории русского романа». Это была первая попытка «целостного осмысления творчества “оригинального писателя-реалиста”». Наибольшее внимание здесь уделялось романному творчеству Писемского 1840 – 70-х годов. Впервые анализировалась поэтика его романов, рассматривалась эволюция творчества писателя. Однако П.Г. Пустовойт, как и многие исследователи советского периода, подходил к оценке Писемского с эстетических позиций русского классического реализма и особенно романов И.С. Тургенева.

Во второй половине XX века монографические главы о творчестве Писемского появились в академической «Истории русской литературы в 10 т.» (И.А. Мартынов), в «Истории русской литературы в 4 т.» (Л.М. Лотман), в «Истории русской литературы в 3 т.» (Л.М. Лотман, В.А. Путинцев), в «Истории русского романа в 2 т.» (Л.М. Лотман), в академическом издании «Развитие реализма в русской литературе» (И.П. Видуэцкая). Вышли в свет статьи и монографии Л.А. Аннинского, Ю.В. Лебедева, В.А. Мыслякова, О.В. Тимашовой. Пробудился интерес к определению специфики художественной манеры Писемского, наметились дискуссионные проблемы изучения творческого наследия писателя. Однако место прозы Писемского в литературном процессе 1840 – 1860-х годов осталось недостаточно проясненным.

О возросшем на рубеже XX – XXI веков интересе к Писемскому говорят

статьи В.Ю. Антишиевой, С.М. Балуева, Н.Л. Ермолаевой, Н.Н. Старыгиной,

П.М. Тамаева, на которые мы опираемся в нашей работе. Большую методологическую помощь в изучении своеобразия художественной манеры Писемского нам оказали новые учебники для вузов с монографическими статьями о Писемском: статья А.В. Тимофеева в «Истории русской литературы XIX века. 70 – 90-е годы» под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой, В.Б. Катаева (М., 2001), авторский учебник Ю.В. Лебедева «История русской литературы XIX. В трех частях. Часть 2. 1840 – 1860-е годы» (М., 2007). Мы опирались также на монографические исследования и статьи М.М. Бахтина, Г.А. Бялого, А.Н. Веселовского, Т.М. Родиной, В.И. Кулешова, Д.С. Лихачева, Е.Б. Тагера, В.А. Келдыша, С.И. Чупринина, Л.А. Иезуитовой, Г.Н. Щенникова, Е.К. Созиной, В.В. Тихомирова, посвященные вопросам теории и истории русской литературы XIX века, жанровой типологии и поэтике реализма и натурализма.

Аналитический обзор литературы о творчестве Писемского привел нас к выводу, что эстетические взгляды писателя не получили в отечественном литературоведении должного освещения. В отдельных статьях и монографиях рассматривались те или иные стороны его мировоззрения и художественного метода, но всякий раз к его творчеству подходили с меркой высокой русской классики и всякий раз оказывалось, что эта мерка для Писемского слишком велика. Объективная оценка творчества Писемского «по законам, им самим над собою признанным» (А.С. Пушкин), остается насущной задачей современного литературоведения. И такая оценка предполагает в первую очередь выяснение художественной позиции Писемского в контексте русского литературного процесса 1840 – 1860-х годов, чем и объясняется *актуальность* предпринятого нами исследования.

Цель работы – определить художественную позицию А.Ф. Писемского в русском литературном процессе 1840 – 60-х годов.

Поставленная цель предполагает решение следующих *задач*:

1. Осмыслить прямые высказывания Писемского на литературные темы.
2. Выяснить авторскую позицию, формы и способы ее выражения в творчестве писателя.

3. Рассмотреть проблему человека и эпохи 40-х и 60-х годов в романной прозе Писемского, где наиболее четко и последовательно проявилась его писательская позиция как «русского натуралиста».

4. Выявить специфику художественной манеры Писемского на фоне современного ему литературного процесса.

Объектом исследования являются три крупных романа Писемского 1850 – 1860-х годов, а также очерки из крестьянского быта, избранные письма и критические статьи писателя.

Предмет исследования – специфика художественной позиции Писемского, отличие его художественного метода от классиков русского реализма.

Методология исследования основана на сочетании историко-генетического, сравнительно-типологического, структурного методов. Использование данных методов объясняется необходимостью всестороннего анализа и последовательного изложения художественной позиции Писемского на фоне литературного процесса 1840 – 60-х годов, а также осознания ее уникальности в сравнении с классиками русского реализма.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

1. Предлагается новая концепция генезиса русского натурализма, корни которого связаны не с эстетикой Золя, а с русской прозой конца 1840 – начала 1850-х годов. Здесь мы пытаемся аналитически подтвердить правомерность научной гипотезы В.И. Кулешова, который в одной из своих последних статей о натуральной школе в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987) замечал, что «в стремлении писателей натуральной школы быть верными “натуре” таились различные тенденции творческого развития – к *реализму* (Герцен, Некрасов, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Салтыков-Щедрин) и к *натурализму* (Даль, И.И. Панаев, Бутков и др.)» (с. 238). Мы показываем, что эстетические истоки русского натурализма восходят к поздним статьям В.Г. Белинского, отвергавшего «абсолютизм художественных критериев в оценке явлений искусства» (Г.В. Плеханов).

2. Впервые проясняется своеобразие художественной позиции Писемского как одного из родоначальников «русского натурализма».

3. Поэтика трех романов, знаковых в творчестве Писемского, впервые исследуется под углом зрения художественно-эстетических критериев русского натурализма.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Мы склонны полагать, что корни русского натурализма не связаны с французским натурализмом 1870 – 1880 годов, что они уходят в более глубокую почву русского историко-литературного процесса. В конце 1840 – начале 1850-х годов, в период кризиса «натуральной школы», определились две линии развития русской литературы. Одна, через искусство И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, Н.А. Некрасова, вела к вершинам русского реализма. Здесь всякое жизненное явление, по определению Н.Я. Берковского, изображалось “на миру”, в общенародном кругу, “соборно” и всякий индивидуальный образ входил в общий, более широкий образ России¹. А другая несла в себе характерные признаки русского натурализма: недоверие к масштабным художественным обобщениям, стремление с максимальной полнотой охватить изображением мелочи и подробности повседневного бытия, интерес к «среднему» человеку, к массовым проявлениям народной жизни, внимание к «местному», провинциальному жизненному материалу, погоня за ускользающим, переменчивым обликом времени и человека в нем. Эстетические позиции писателей этого направления формировались под влиянием позднего В.Г. Белинского, который настаивал на преодолении субъективизма художественной фантазии и на «изображении жизни в формах самой жизни», на условности художественных критериев в оценке явлений искусства.

2. Эта линия литературного развития порождалась еще и характерными трудностями, которые вставали перед русскими писателями середины и второй половины XIX века, когда в России «в несколько десятилетий совершались

¹ Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. Л., 1975. С. 40.

превращения, занявшие в старых странах Европы целые века»². Достоевский, столкнувшийся с этими трудностями, писал: «Работа неблагодарная и без красивых форм. Да и типы эти, во всяком случае, – еще дело текущее, а потому и не могут быть художественно законченными. Возможны важные ошибки, возможны преувеличения, недосмотры. Во всяком случае, предстояло бы слишком много угадывать. Но что делать, однако ж, писателю, не желающему писать в одном историческом роде и одержимому тоскою по текущему? Угадывать и... ошибаться»³. Но если Достоевский удержал при этом свойственный классическому реализму масштаб художественного обобщения, то писатели-натуралисты ограничивались фиксацией жизненных противоречий, не претендуя на эстетически завершенную и общенационально значимую картину бытия.

3. В письмах и литературно-критических статьях Писемский скептически относится к лирическим страницам творчества Гоголя, которые как раз и придают его повествованию «поэзное» звучание, которые определяют во многом всероссийский масштаб его художественных обобщений. В центре внимания Писемского находится не выдающийся герой, а «средний» человек, его интересуют провинциальные, массовые человеческие характеры. Писемский намеренно снижает до уровня житейской пошлости традиционных в литературе «лишних людей»: Бахтияров в «Тюфяке» – опошлившийся Печорин, Эльчанинов в «Боярщине» – сниженный рудинский тип. Натурализму Писемского свойственно недоверие к классическим законам художественности. При этом проблема естественнонаучного детерминизма, в отличие от французских натуралистов, не играет у Писемского сколько-нибудь существенной роли. Он преимущественно социолог или психолог, интересующийся социально-бытовой стороной жизни, общественными настроениями в их сиюминутном проявлении.

4. Писемский одним из первых в русской литературе приступает к созданию новой жанровой формы «общественного романа». Его признаки проявились еще в 1858 году, в романе «Тысяча душ», который стал итогом первого десятилетия

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Издание 5-е. М., 1961. Т. 20. С. 174.

³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т.т. Л., 1975. Т. 13. С. 455.

творчества писателя. Главный герой его не удовлетворяется узким кругом жизни, интимными отношениями, а стремится проявить свои силы и способности в общественной жизни. Рамки «усадебного» романа тургеневского типа у Писемского широко раздвигаются от провинции до столицы, от литературных сфер до служебных, от высшей столичной бюрократии до бюрократов губернского и уездного масштаба, от педагогов уездного училища до княжеской усадьбы и великосветского общества.

5. Писемский-натуралист специфически раскрывает человеческий характер. Ему чуждо толстовское искусство интеграции. Натурализм Писемского проявляется в «несобранности» героя, он постоянно смешивает в нем «низкое» и «высокое». В произведении Писемского порою отсутствует доминанта в обрисовке характера. Мозаичность характерологии ведет к отказу от классических форм типизации героев.

6. Подобно Достоевскому, Писемский остро чувствует «поврежденность» человеческой природы. Но, в отличие от Достоевского, он не ищет противостояния этому. Конечно, он обращается в своих романах и к религии, но не придает ей такого возрождающего смысла, какой она обретает у Достоевского. Истина о греховности человека для Писемского является аксиомой. В романе Писемского религиозная сюжетная линия присутствует постоянно, но не выходит на первый план.

7. «Взбаламученное море» представляет собою в жанровом отношении новый тип натуралистического романа-эпопеи. С реалистическим произведением такого жанра его сближает широкий охват событий, связь частных судеб героев с общим ходом реформ, принципы создания эпического характера. В то же время этот роман имеет ряд признаков, характерных для натуралистического художественного направления: писателя интересуют не выдающиеся, не исключительные, а массовые явления, в поле зрения его попадает в первую очередь губернская и уездная Русь. В отличие от Тургенева Писемского не привлекает тонкая культурная прослойка дворянского общества, несущая в Россию высокую культуру, вырабатывающая и формулирующая новые идеи,

новую идеологию. Внимание писателя-натуралиста обращено к широкой массе дворянского сословия, к тем его кругам, которые живут «отраженным светом» и переживают массовые увлечения и разочарования, вызванные политическими и идеологическими сдвигами в стране в эпоху созревания и свершения в ней реформ. Писемский убежден, что не тонкая культурная прослойка, как думает Тургенев, а именно этот *массовый* культурный слой определяет в конечном счете драматическую судьбу России в эпоху реформ.

8. Сближаясь с этим слоем общества, Писемский чувствует себя гласным от него. Он освещает жизнь этого слоя с особым юмором, разрушающим общепризнанные литературные нормы. «Еретические» оправдания явлений, бывших в то время предметом сатирического обличения, объективно ведут Писемского к разрыву с художественными традициями реализма, но в то же время с помощью своеобразного юмора открывают перед читателями такую жизненную правду, которая в поле зрения классического реализма не попадала.

9. Роман Писемского «Люди сороковых годов» как бы повторяет сюжет и проблематику «Взбаламученного моря». Но по тональности своей он иной. В «Людах сороковых годов» Писемский сделал акцент на той положительной жизненной правде, которую принесли с собою в шестидесятые годы люди его поколения, усилиями которых были проведены в России реформы со всеми их противоречиями. По сравнению с романом «Тысяча душ» в «Людах сороковых годов» укрепляется наметившаяся в творчестве Писемского тенденция к созданию «общественного романа». Его композиция, подобно хроникам Лескова, нарушает привычные законы художественности. Традиционному жанру романа противопоставлен менее стесняющий живую жизнь хроникальный способ повествования. Но Писемский, в отличие от Лескова, не придает героям и событиям общенационального звучания. Художественный отбор, который осуществляет Писемский, особенно специфичен при сопоставлении мемуаров Герцена «Былое и думы» с автобиографическим романом Писемского «Люди сороковых годов». Различия между этими романами связаны с разным масштабом художественных обобщений. Герцен разрушил границы между частной жизнью

человека и историей, уловив дыхание истории в повседневной жизни людей. Писемский избирает в качестве героя своего романа «обыкновенного» человека не в смысле его «заурядности», а в смысле особенностей его личности и характера ее изображения. И это отличает его роман от магистральной в русской литературе 1860-х годов традиции. У Писемского жизнь героя замкнута в пределах частной его судьбы, повседневных жизненных обстоятельств. История присутствует в его романе как фон, как обрамление.

Научное и прикладное значение диссертации.

Материалы диссертации могут быть использованы в процессе чтения лекционного курса по истории русской литературы XIX века (1840 – 60 гг.), теории литературы, а также в спецкурсах и спецсеминарах.

Апробация работы. Главы диссертации и работа в целом обсуждались на заседаниях кафедры литературы КГУ им. Н.А. Некрасова, научной конференции «Грехневские чтения – VI» (Нижний Новгород, 2006), международной научно-практической конференции «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2007), научной конференции «Философия и филология русского классического текста» (Пенза, 2007). Основные положения диссертации отражены в шести статьях.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, включающей 201 пункт.

Основное содержание диссертации.

Во **введении** на основе аналитического обзора критических и литературоведческих работ о творчестве Писемского обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, новизна, определяются цель и задачи исследования.

Первая глава «Позиция А.Ф. Писемского в литературном процессе 1840 – 1850-х годов» посвящена выяснению художественной позиции Писемского в историко-литературном процессе этого периода. В первом параграфе рассматривается *своеобразие литературного развития 1840 – 1850-х годов*, когда в русской реалистической литературе протекали сложные процессы роста и

становления, сопряженные с кризисными явлениями в развитии реализма питателей «натуральной школы». Мы показываем здесь, что именно в этот период времени наряду с магистральным в русском литературном развитии возникло направление, получившее в современной науке определение «русского натурализма».

Во втором параграфе «*О генетических корнях и своеобразии "русского натурализма"*», опираясь на работы советских и современных исследователей, мы пытаемся доказать, что корни русского натурализма не связаны с французским натурализмом 1870 – 80 годов. Они уходят в более глубокую почву русского историко-литературного процесса. Впервые они дают о себе знать в период кризиса «натуральной школы». Писемский является одним из самых ярких представителей данного направления. В русском натурализме родовые признаки этого метода существенно деформированы и смягчены. Русский писатель-натуралист, например, не отказывается от типизации, но осуществляет ее крайне осторожно, пытаясь оставить в явлении жизни, им изображаемом, не только существенные, но и случайные черты. Вместо пристрастия к единичным явлениям, он стремится показать среднего человека, не претендующего на героизм, его внимание привлекают не исключительные, не выдающиеся, а, напротив, массовые проявления общественной психологии.

Объектом анализа третьего параграфа «*Своеобразие художественной позиции А.Ф. Писемского в историко-литературном процессе 1850-х годов*» становятся избранные письма конца 1840-х – 60-х годов, статья Писемского «Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти. "Похождения Чичикова, или Мертвые души. Часть вторая"», имеющие непосредственное отношение к творчеству Писемского, к формированию его художественной позиции.

Натурализм Писемского уже в 1850-х годах проявился в интересе писателя к жизни обыкновенных людей в их массовом, будничном существовании. В письме к А.Н. Островскому от 21 апреля 1850 года по поводу повести «Тюфяк» (1850) Писемский заявляет: «Главная мысль моя была та, чтобы в обыденной и

весьма обыкновенной жизни обыкновенных людей раскрыть драмы, которые каждое лицо переживает по-своему»⁴.

Для Писемского характерна ярко выраженная антиромантическая тенденция, культ депозитизированной действительности. Показательно с этой точки зрения отношение Писемского к роману Тургенева «Отцы и дети», высказанное им откровенно в частном письме от 8 марта 1862 года. Вся интеллектуальная сторона романа, связанная с поединком Базарова с Павлом Петровичем, кажется Писемскому избыточной. Он совершенно нечувствителен к внутреннему раздвоению Базарова, проскальзывающему уже и в этих интеллектуально напряженных диалогах. «Идеальной» стороны Базаровского типа Писемский не признает. При этом он изменяет своим собственным оценкам тургеневского дарования, высказанным в письме от 30 мая 1855 года, где он высоко ценил именно «романтическую» сторону Тургенева, ставя его за это высоко над собою и над Островским: «Вступить за романтизм в наше время – дело нужное и честное, и Вы один из современных писателей могли бы, кажется, сделать это по свойствам Вашего таланта и по условиям Вашего развития <...> Я, конечно, говорю об романтизме глубоком, чистом, об романтизме, которым освещена Татьяна, но никак не о том, который проповедуют некоторые Ваши знакомые, выдавая утонченную чувственность и за поэзию, и за романтизм, и за науку...»⁵

В отзыве о романе «Отцы и дети» Писемский наносит чувствительный удар по сокровенным особенностям тургеневского таланта, по его философии любви. Любви в смысле идеальном, в отличие от Базарова, невольно ее переживающего вопреки отрицанию на словах, для Писемского не существует. Он глубоко убежден, что «любовь есть не что иное, как органическое стремление к соитию одного пола к другому, а все, что любовью-то называется, есть не что иное, как ощущение наших тончайших нерв...»⁶

Отрицая идеальную основу любви, Писемский не в состоянии понять истоки трагизма Базарова: «Зачем Базаров заразил себя и нарочно ли это сделал

⁴ Писемский А.Ф. Материалы и исследования. Письма. М.; Л., 1936. С. 27. Далее ссылки приводятся в тексте с указанием страницы.

⁵ Переписка И.С. Тургенева: В 2 т.т. М., 1986. Т. 1. С. 22.

⁶ Там же. С. 25.

или нет и что Вы этим хотели сказать?» Очевидно, что произнесенные им когда-то слова «об романтизме глубоком, чистом», остались всего лишь словами, так и не вошедшими органично в его мировоззрение. По той же причине Писемский отрицал лирические страницы в «Мертвых душах» Гоголя, включая сюда и гениальный финал первого тома о «птице-тройке». И здесь, в оценке творчества Гоголя, Писемский сближается с эстетикой позднего В.Г. Белинского.

Признание Гоголя Писемский, как и Белинский, связывал не с лиризмом, а с юмором. В статье «Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти. «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Часть вторая»» Писемский дает свое толкование народного юмора и юмора Н.В. Гоголя: «...трезвый, разумный взгляд на жизнь, освещенный смехом и принявший полные этою жизнью художественные формы, – юмор, тон которого чувствуется в наших летописях, старинных деловых актах, который слышится в наших песнях, в сказках, поговорках и в перекидных речах народа»⁷. Считая себя последователем Гоголя, Писемский, тем не менее, утверждает в своих произведениях юмор, далекий от гоголевского «смеха сквозь слезы».

Творчество Писемского в своем неуклонном стремлении к правде эмпирического жизненного факта родственно творчеству Н.С. Лескова. Оба обладали богатым жизненным опытом, оба скептически относились к общественной борьбе 1860-х годов, к традиционным жанровым формам. И тем не менее Лесков, упрекая Писемского в отсутствии идеалов, приводит его слова: «По-вашему небось все надо хороших писать, а я, брат, что вижу, то и пишу, а вижу я одни гадости»⁸. Отступление Писемского от реалистической литературной традиции заключалось в стремлении обращать внимание на изнанку жизни, в оппозиции к жизнеутверждающему и синтезирующему пафосу русского классического реализма, в котором Писемский видел «романтизм». Отсюда – стремление к иллюзии художественного беспристрастия, описательный эмпиризм, сознательная приглушенность авторского идеала.

⁷ Писемский А.Ф. Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Часть вторая // Писемский А.Ф. Собр. соч.: В 9 т.т. М., 1959. Т. 9. С. 525.

⁸ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т.т. М., 1957. Т. 6. С. 642.

Вторая глава «Тысяча душ» А.Ф. Писемского как новый тип общественного романа. Своеобразие его характерологии. «Тысяча душ» нас интересует как первый опыт «общественного» романа. Писемский понимает, что семейный, любовный роман изжил себя. В споре с Белавиным главный герой Калинович говорит: «...интересы литературные, общественные и, наконец, собственное честолюбие и даже более грубые, эгоистические потребности – все это живет во мне, волнует меня, и каким же образом я мог бы решиться всем этим пожертвовать и взять для нравственного продовольствия на всю жизнь одно только чувство любви, которое далеко не наполняет всей моей души...»⁹

В цикле очерков «Господа ташкентцы» (1869) М.Е. Салтыков-Щедрин, вероятно не без учета жанрового своеобразия романов Писемского, говорил о том, что старый любовный, семейный роман исчерпал себя. Ныне подлинно драматические конфликты все чаще и чаще обнаруживаются не в любовной сфере, а в «борьбе за неудовлетворенное самолюбие», «за оскорбленное и униженное человечество», «в борьбе за существование». «Роман современного человека разрешается на улице, в публичном месте – везде, только не дома; и притом разрешается самым разнообразным, почти непредвиденным образом. Вы видите: драма начиналась среди уютной обстановки семейства, а кончилась Бог знает где; началась поцелуями двух любящих сердец, а кончилась получением прекрасного места, Сибирью...»¹⁰

Писемский не ставит в своем произведении глубоких философских и духовно-нравственных проблем, он показывает распространенный средний тип русского интеллигента, который стремится к сочетанию безупречной службы и личного успеха. Но в роман включается широкое общественное содержание. Если в первой части герой находится в кругу семьи Годневых, пробуждающей в нем лучшие движения души, то во второй части он попадает в светское общество (Полина, князь Иван). В третьей части круг знакомств Калиновича расширяется (столица, литературный и журнальный мир). После встречи с князем и женьтибы

⁹ Писемский А.Ф. Собр. соч.: В 9 т.т. М., 1959. Т. 3. С. 281.

¹⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т.т. М., 1970. Т. 10. С. 33-34.

на Полине герой сам входит в «большой свет» и делает головокружительную карьеру. Четвертая часть почти полностью посвящена служебной деятельности Калиновича на посту вице-губернатора и губернатора.

Специфична и характерология Писемского в романе, рассматриваемая нами на фоне тех трудностей, с которыми сталкивалась русская литература в изображении целостного человеческого характера на рубеже 1840 – 1850-х годов (Л.Н. Толстой, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев). Впечатление о героях рождается у Писемского в процессе диалогически противопоставленных друг другу характерологических штрихов. Автор отказывается от классического искусства типизации. Изображение напоминает собою своеобразную мозаику или калейдоскоп, в котором характерологические подробности плохо связываются в единую картину, в единый характер. Создается ощущение нелогичности, парадоксальности целого при безусловной правдивости деталей. Как отметила И.П. Видуэцкая, «впечатление реальности» достигается у Писемского «отказом от художественного “обмана”»¹¹. Эти признаки прозы Писемского воспринимаются как просчеты лишь с точки зрения поэтики реалистического романа. В прозе, тяготеющей к натурализму, они закономерны.

Истина о греховности человека, о падшей природе его для Писемского является аксиомой. Он принимает ее как неизбежную, неприятную, но и непреодолимую данность: так уж устроен мир, таков уж человек в нем. Это вносит в романы Писемского трагическую ноту. Причем, как заметила Н.Л. Ермолаева, у автора «Тысячи душ» и «Горькой судьбины» свое понимание трагизма, близкое к народному представлению о том, что судьба человека определяется в момент его рождения¹². Мотив трагической вины проходит у Писемского не только через его драмы, но и через весь роман «Тысяча душ». Уже в начале его, во время великого поста, на молебне, заказанном в честь писательского успеха Калиновича, что-то роковое проскальзывает в вопросах и наставлениях прозорливого игумена. Затем, во второй части романа, Настенька

¹¹ Развитие реализма в русской литературе. М., 1973. Том 2, кн. 1. С. 120.

¹² Ермолаева Н.Л. О своеобразии драматургии А.Н. Островского и А.Ф. Писемского (проблема трагического) // А.Н. Островский в новом тысячелетии. Кострома, 2003. С. 15.

предупреждает Калиновича: «Так играть людьми нельзя, Калинович! Есть Бог: Он накажет вас за меня!»¹³ Трагический финал жизни Калиновича, вынужденного расстаться с надеждами, ради которых он совершил в жизни столько неблагоприятных поступков, воспринимается глазами верующей Настеньки как неизбежное наказание за постоянное нарушение заповедей Спасителя.

Не исключено, что с этой сюжетной линией романа Писемского полемизирует Достоевский в «Преступлении и наказании», создавая коллизию между Раскольниковым, бросающим в своей гордыне вызов Богу, и глубоко верующей Сонечкой Мармеладовой. Если у Писемского вера Настеньки не в состоянии исцелить гордого Калиновича, то Достоевский делает акцент на возрождающей Раскольникова, спасительной силе верующей души. Следует отметить, что не только равнодушный к вере, закостеневший в своей гордыне Калинович, но и верующая Настенька, в отличие от Сонечки Мармеладовой, не обладает у Писемского необходимой силой религиозного убеждения. Кроме того, в романе Писемского религиозная сюжетная линия не выходит на первый план.

Третья глава «Взбаламученное море» как натуралистический роман-эпопея. В русском обществе к 1859 году наметилось четкое идейное размежевание и началась открытая общественная борьба. От писателя потребовался выбор общественной позиции, подкрепленный не только жизненным опытом, но и всем многообразием философских, эстетических, идеологических теорий, всем богатством культурного развития. Писемский не приемлет ни одного из идеологических направлений, воспринимая общественную борьбу 1860-х годов сквозь образ-символ «взбаламученного моря».

Замысел нового романа «Взбаламученное море» (1863) очень масштабен. На широту его проблематики Писемский указывал в своем письме к Б.Н. Алмазову от 1 ноября 1862 г.: «Я теперь пишу большой роман, который будет больше “Тысячи душ”. Слышавшие его все очень хвалят, и он захватывает

¹³ Писемский А.Ф. Собр. соч.: В 9 т.т. М., 1959. Т.3. С. 145.

всю почти нашу матушку Русь...»¹⁴ А.А. Рошаль считает, что здесь Писемский «впервые предпринял попытку создать эпопею»¹⁵.

Эпическому замыслу романа соответствует и его сюжетная организация: судьба главного героя Александра Бакланова рассматривается на протяжении трех десятилетий. Автор, как в романе-путешествии, проводит Александра Бакланова через все сферы русской жизни от губернского и уездного города до двух столиц, от дореформенной деревни к деревне, взбаламученной реформаторскими преобразованиями, от России до Западной Европы. Александр постоянно меняет при этом круг своих дел и увлечений.

В самом начале романа «Взбаламученное море», отнесенного к 1840-м годам, Александр – студент Московского университета. Он влюблен в свою кузину Софью Басардину. Повествуя о счастливых мгновениях первой любви, Писемский бросает вызов установившейся литературной традиции. Он погружает любовный сюжет в далеко не тургеневскую атмосферу. Вместо тенистого сада, вместо красот утренней или вечерней природы Писемский ведет читателя на постоянный двор.

Первая любовь Александра внезапно прерывается увлечением Софи приехавшим в город флигель-адъютантом. Когда же петербургский франт пренебрегает ею, Софи с циничным отчаянием решает на брак с богатым стариком-помещиком Лeneвым, а после его смерти, прокутив доставшееся ей по наследству состояние, становится содержанкой откупщика. Предвосхищая сюжет тургеневского романа «Дым», драматическую историю первой любви Литвинова и Ирины, Писемский, в отличие от Тургенева, не склонен осуждать свою героиню, подобно Ирине покинувшую Бакланова ради богатства и положения в обществе. Он оправдывает ее со свойственным ему юмором. Описание жизни родового клана Басардиных напоминает судьбу головлевского семейства из романа Салтыкова-Щедрина. Казалось бы в руках у писателя богатейший материал для сатиры. Но Писемский не только не бичует, а даже по-своему

¹⁴ Писемский А.Ф. Письма. С. 151.

¹⁵ Рошаль А.А. Писемский и революционная демократия. Баку, 1971. С. 73.

реабилитирует героинь, подобных щедринской Арине Петровне Головлевой, возвращает им право на человеческое снисхождение и даже сочувствие.

Действие романа переносится в Москву, куда после летний вакаций приезжает Александр на последний курс университета. Студенческая атмосфера середины 1840-х годов воссоздается в романе так своеобразно, что вызывает постоянные упреки у современных исследователей, которые не берут в расчет, что студенческая жизнь у Писемского дана в кругозоре центрального героя романа – человека заурядного, примыкающего к студенческой массе. Таково авторское задание писателя, такова литературная позиция русского натуралиста. Благодаря ей, Писемский открывает в жизни ту правду, которая не попадала в поле зрения ни Герцена, ни Тургенева.

Сюжет «Взбаламученного моря» заставляет вспомнить роман В.Т.Нарежного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова». Герой Нарежного, как хамелеон, принимает окраску той среды, в которую его забрасывает прихотливая судьба. Вся Россия перед ним открывается безобразными своими сторонами. И похоже, что не только Чистяков, но и сам автор готов принять их как грустную, но неустранимую норму жизни.

Однако переменчивость и непостоянство Бакланова, в отличие от героя Нарежного, у Писемского сложнее. Очень часто Бакланов переживает одновременно диаметрально противоположные мысли и чувства, несовместимые друг с другом в характере одного человека. Так случается, например, в главе XIX («Братский праздник с народом») пятой части романа. Бакланов – эпический характер, олицетворяющий собой собирательные признаки массового русского либерализма. К эпическому образу неприменимы художественные требования, применяемые к герою обычного романа. В создании таких масштабных характеров неизбежно допускается художественная условность, нарушающая бытовое правдоподобие. То, что многие исследователи приписывают непостоянству характера Александра Бакланова, является в действительности художественной условностью: эпический характер являет перед читателями

своего рода «энциклопедию» российского дворянского либерализма. Отсюда – нотки авторского сочувствия герою, встречающиеся в романе на каждом шагу.

Роман имеет ряд признаков, характерных для натуралистического художественного направления. Писателя интересуют не выдающиеся, не исключительные, а массовые явления в жизни всех перечисленных здесь сословий и в особенности – русского дворянства, духовное вырождение которого и показывает Писемский. А потому рассказ о нем лишен в романе сатирических красок, но полон горького юмора с типичным для Писемского оттенком народно-крестьянского цинизма. Юмор этот особенно активен, когда речь идет о молодых героях, мнящих себя радикалами. Такова сцена спора Бакланова с Виктором Басардиным и Галкиным младшим. Весь этот диалог пронизан авторским юмором, несет в себе следы народного балагурства.

Писемский не проводит, как это делает Тургенев, резкой разграничительной черты между «отцами» и «детьми». Напротив, он считает «детей» прямыми наследниками своих «отцов». Впервые в русской литературе, предвосхищая «Бесов» Достоевского, Писемский показывает генетическую связь русского либерализма с нигилизмом. Либерал Варегин говорит о нигилистах: «...они плоть от плоти нашей, кость от костей наших»¹⁶. С целью подчеркнуть это родство, Писемский «уплотняет времена» в романе, помещая нигилиста Проскрипского, прототипом которого является Чернышевский, в студенческую среду 1840-х годов. Корни революционно-демократического мирозерцания, действительно, уходят в сороковые годы, в труды позднего Белинского. Не случайно появившийся в Британии Проскрипский требует у полового номер «Отечественных записок», где тогда активно печатался Белинский. В сороковые годы уходят и корни русского либерализма, положительным представителем которого выведен в романе либерал Варегин.

Сочувствуя честному либерализму, Писемский проявляет некоторую симпатию и к социалистам. Не случайно рядом с карикатурным нигилистом Виктором Басардиным Писемский с явной симпатией создает образ Валериана

¹⁶ Писемский А. Ф. Полн. собр. соч.: В 8 т.т. СПб., 1910 – 1911, Т. 4, С. 546.

Сабакеева. В спорах с ним Бакланова становится ясно, что в убеждениях Валериана Писемский не принимает отрицательное отношение к религии, а также веру в общину как ядро крестьянской социалистической революционности. Но в характере этого героя подкупает честность, искренняя сила убеждений и готовность пострадать за них.

Нет никакого сомнения, что Тургенев как автор «Дыма» был самым пристальным читателем романа Писемского «Взбаламученное море». Даже в его письмах 1860-х годов встречаются скрытые параллели с той характеристикой переходного времени в истории России, которые давал в своем романе Писемский. Отсюда – высокая оценка этого романа Тургеневым, которую Писемский с доверием принимал. В 1869 г., отвечая на просьбу Тургенева рекомендовать для перевода какое-нибудь из своих произведений, Писемский сказал: «Мне по преимуществу хочется, чтобы был переведен мой роман “Взбаламученное море” затем, чтобы в Европе явилась в истинном свете наша революционная партия, хуже и мерзее которой, я думаю, мир ничего не представлял»¹⁷.

В четвертой главе – *Историзм, документализм и автобиографизм романа А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов»* – мы попытались не только выявить художественную позицию писателя, но и исследовать соотношение факта и художественного вымысла. Главный герой романа проходит извилистый жизненный путь, во многом повторяющий, хотя и с некоторыми отклонениями, путь Писемского. Принцип изучения жизненного пути и характера героя осуществляется нами в историко-литературном сопоставлении с героями романов А.И. Герцена, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого.

В романе некоторые персонажи и сюжеты приближены к прототипам: Михаил Поликарпович – отец Вихрова-Писемского, Имплев Еспер Иванович – дядя писателя, Дрозденко Николай Силыч – учитель Костромской гимназии и др. В качестве стержня своих героев Писемский использует судьбы близких ему людей, но он подмечает черты эпохи в людях, а не просто излагает их биографию.

¹⁷ Переписка И.С. Тургенева: В 2 т.т. М., 1986. Т. 1. С. 183 – 184.

Бытие Павла Вихрова в ссылке основывается в ряде моментов на событиях из жизни его прообраза. Так, например, эпизод уничтожения Вихровым раскольничьей молельни в селе Учня носит автобиографический характер.

Во время правительственного террора в стране Вихров получает наказание за пропаганду французских идей и протест против крепостного права. Этот эпизод перекликается с биографией Салтыкова-Щедрина, Герцена да и самого Писемского, который в конце 1840-х годов покидает Москву. В финальной сцене романа, в речи Вихрова на дружеском ужине, Писемский рисует обобщенный портрет своего поколения. Среди главных черт «людей сороковых годов» выделяется негодование по отношению к крепостному праву, честная чиновничья деятельность, забота о крестьянстве, сочувствие гонимым литераторам и даровитое, честное предпринимательство.

В процессе анализа романа мы выясняем, что Писемский не стремился создать автобиографический роман. Писатель попытался нарисовать героя своего времени таким, каким он его себе представлял. Именно поэтому Писемский дополнил биографию Вихрова событиями, которые «выпали на долю других людей его поколения» (Л.М. Лотман), прежде всего А.И. Герцена и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Так в конце романа возникает «многофигурность» (Л.М. Лотман) героя, впитавшего все веянья эпохи.

По сравнению с романом «Тысяча душ» в «Людах сороковых годов» укрепляется наметившаяся тенденция к созданию «общественного романа». Композиция его, подобно хроникам Лескова, нарушает привычные законы художественности. Никакого внутренне связного, целостного, логически развивающегося «драматического действия» в романе нет; нет и того, что называется «завязкою» и «развязкою» и что, с точки зрения классической эстетики, составляет одно из необходимых условий художественности.

Но это не означает, что в романе Писемского отсутствует художественное обобщение. Анализируя автобиографические мотивы, мы показываем, что писатель осуществляет художественный отбор. Речь, по-видимому, должна идти об особом типе этого художественного отбора у Писемского, отличающем его

творческую манеру от реализма русских писателей-классиков. Это отличие особенно заметно при сопоставлении мемуаров Герцена «Былое и думы» с романом Писемского.

«Былое и думы» – это полувековая хроника общественной жизни России и Западной Европы, пропущенная сквозь сознание выдающейся личности, наделенной «всемирной отзывчивостью», лишенной мещанской эгоистической замкнутости, способной живо откликаться на все впечатления бытия и сознавать свою ответственность «за всех и за вся». Пытаясь определить жанр своей книги, Герцен писал в начале пятой части, что «“Былое и думы” не историческая монография, а отражение истории в человеке, *случайно* попавшемся на ее дороге». Человек у Герцена не ограничен пределами «частной индивидуальности», люди в авторском представлении Герцена являются «волосяными проводниками истории».

Значение документа в творчестве Писемского носит иной характер. На первом плане у него – правда факта, подтверждающая верность описываемого явления реальной действительности. Писателю-натуралисту важно опереться на жизненный факт, чтобы доказать и себе, и читателю, что его изображение лишено художественного вымысла, что он не отдается игре воображения, что создаваемые им художественные образы имеют под собою твердую и непреложную фактическую основу. Такая творческая установка невольно ослабляет типизацию, чуждается свойственных реалистическому искусству Герцена стремительных выходов к художественным обобщениям.

Жизнь главного героя в романе Писемского замкнута в пределах частной его судьбы, повседневных жизненных обстоятельств. История присутствует в его романах как фон, как обрамление. Этим качеством «натуралистического» историзма отмечены не только «Люди сороковых годов», но и последний роман писателя «Масоны». Не выход человека в большую историю, а отголоски ее в жизни «частного человека» составляют главный пафос исторических романов Писемского, отключающий эти романы от магистральной линии русского историко-литературного процесса.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются новые перспективы. Несмотря на то, что творчество Писемского отклонилось от магистральной линии развития литературы XIX века, оно нашло живой отклик в произведениях ряда писателей эпохи 1880 – 90-х годов: П.Д. Боборыкина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.В. Амфитеатрова, Н.С. Лескова, А.П. Чехова и др.

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Круглова Е.Н. Проблема образа автора в творчестве А.Ф. Писемского // **Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2006. № 4. 0,4 п.л.**
2. Круглова Е.Н. Эпистолярное наследие А.Ф. Писемского конца 1840 – 1860 годов // **Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: Специальный выпуск. Кострома, 2006. 0,5 п.л.**
3. Круглова Е.Н. Своеобразие характерологии А.Ф. Писемского в романе «Тысяча душ» // **Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2008. № 3. 0,3 п.л.**
4. Круглова Е.Н. Художественная манера А.Ф. Писемского-очеркиста // **Грехневские чтения: Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2007. 0,5 п.л.**
5. Круглова Е.Н. Библиейские мотивы в творческом сознании А.Ф. Писемского (на примере романа «Люди сороковых годов») // **Духовно-нравственные основы русской литературы: Сборник научных статей: В 2 ч. Кострома, 2007. Ч. 1. 0,3 п.л.**
6. Круглова Е.Н. Очерки А.Ф. Писемского «Русские лгуны» (тематика и стиль) // **2007 год – год русского языка. Философия и филология русского классического текста: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2007. 0,2 п.л.**

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются новые перспективы. Несмотря на то, что творчество Писемского отклонилось от магистральной линии развития литературы XIX века, оно нашло живой отклик в произведениях ряда писателей эпохи 1880 – 90-х годов: П.Д. Боборыкина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.В. Амфитеатрова, Н.С. Лескова, А.П. Чехова и др.

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Круглова Е.Н. Проблема образа автора в творчестве А.Ф. Писемского // **Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2006. № 4. 0,4 п.л.**
2. Круглова Е.Н. Эпистолярное наследие А.Ф. Писемского конца 1840 – 1860 годов // **Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: Специальный выпуск. Кострома, 2006. 0,5 п.л.**
3. Круглова Е.Н. Своеобразие характерологии А.Ф. Писемского в романе «Тысяча душ» // **Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2008. № 3. 0,3 п.л.**
4. Круглова Е.Н. Художественная манера А.Ф. Писемского-очеркиста // **Грехневские чтения: Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2007. 0,5 п.л.**
5. Круглова Е.Н. Библиейские мотивы в творческом сознании А.Ф. Писемского (на примере романа «Люди сороковых годов») // **Духовно-нравственные основы русской литературы: Сборник научных статей: В 2 ч. Кострома, 2007. Ч. 1. 0,3 п.л.**
6. Круглова Е.Н. Очерки А.Ф. Писемского «Русские лгуны» (тематика и стиль) // **2007 год – год русского языка. Философия и филология русского классического текста: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2007. 0,2 п.л.**

Круглова Елена Николаевна

**Художественная позиция А. Ф. Писемского
в литературном процессе 1840 – 60-х годов**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать: 13.11. 2008. Формат 60х90 1/16 .
Бумага для множительных аппаратов. Ризограф.
Усл. печ. л. 1,1. Заказ №1135. Тираж 100 экз.

Отпечатано:
Студия оперативной полиграфии «Авантитул»
г. Кострома, пр-т Мира, 51. Тел.: (4942) 55-28-62

$$10 =$$